

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

И.А. Айзикова

МАТЕРИАЛЫ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ В СИБИРЬ В ФОНДАХ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА *

Статья посвящена обзору и систематизации хранящихся в Научной библиотеке ТГУ материалов, связанных с осмыслением переселения в Сибирь русской и сибирской словесностью 1860–1900-х гг. Это первый шаг в исследовании актуальнейшей на сегодняшний день темы, в определении методологических подходов к ней.

Ключевые слова: *тема переселение, Сибирь, русская литература, региональная словесность.*

В Научной библиотеке Томского государственного университета (НБ ТГУ) хранятся богатейшие и в ряде случаев уникальные материалы по теме переселения в Сибирь. Их осмысление невозможно начать без классификации и систематизации, чему и посвящена данная статья.

В зависимости от критериев классификации можно выделить корпус публикаций в периодических изданиях и группу книжной продукции, материалы местной и столичной печати. Необходимо учесть и тот факт, что в фондах библиотеки хранятся многочисленные документальные, публицистические и художественные сочинения о переселенцах в Сибирь установленных и анонимных авторов, писателей так называемого первого и второго ряда. Особого внимания, безусловно, заслуживают частные книжные собрания и архивы – Г.К. Тюменцева, Н.М. Ядринцева, Н.И. Наумова, Г.Н. Потанина, хранящиеся в НБ ТГУ и содержащие интересные материалы по интересующей нас теме. Разумеется, имеющиеся в университетской научной библиотеке источники можно (и следует) рассматривать хронологически, что позволит поставить проблему эволюции освоения темы переселенчества в сибирской и столичной литературе, их культурного диалога и фронтальной ситуации в этой области. Кроме того, литературу о переселенцах, собранную в НБ ТГУ, целесообразно систематизировать в связи с тематическими и жанрово-нарративными особенностями текстов, коммуникативными стратегиями их авторов, а также в контексте развития классической русской и сибирской словесности, что представляется наиболее плодотворным для начала комплексного изучения актуального вопроса об интерпретации темы переселения в Сибирь русской (столичной) и сибирской (региональной) словесностью 1860–1900-х гг.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-04-64401 а/Т (региональный). Автор публикации также выражает благодарность сотрудникам НБ ТГУ за помощь в работе.

При первом же знакомстве с библиотечными фондами обращает на себя внимание большой корпус текстов, связанный с *первыми этапами заселения Сибири*, в историю которого впоследствии вошло переселенческое движение XIX в. Назовем здесь лишь некоторые издания – журнальные и книжные, центральные и региональные, выстроив их в хронологическом порядке: Г. Пейзен. Исторический очерк колонизации Сибири (Современник. 1859. Т. 77, № 9. С. 9–46); Н. Путилов. Несколько слов о колонизации Восточной Сибири (Труды ИВЭО. 1874. Т. 2, вып. 1, май. С. 25–30); Д. Садовников. Наши землепроходцы (Рассказы о заселении Сибири). 1581–1712 (М.: Изд. народного журнала «Грамотей». Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1874); Исторические сведения о заселении и географический обзор Томской губернии / Сост. и издал член губ. стат. комитета Ал. Лучшев (Томск: Тип. «Сиб. вестника», 1886); П.Н. Бущинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников (Харьков: Тип. губ. правления, 1889); А.В. Дуров. Краткий исторический очерк колонизации Сибири (Томск: Тип. губ. правления, 1891); И.П. Белоконский. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. (Харьков: Тип. Адольфа Даре, 1893); Как заселялась Сибирь. Очерк (Томск: Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1895)¹.

Среди этих материалов находим издания *просветительского и научно-исторического* характера. К первым, например, относятся «рассказы о заселении Сибири» фольклориста, этнографа, поэта, автора слов знаменитой, ставшей народной, песни «Из-за острова на стрежень» Д. Садовникова (1847–1883) – «Наши землепроходцы». Эта книга, рекомендованная Особым отделом Ученого комитета Министерства народного просвещения для учебных библиотек средних и низших учебных заведений, для публичных народных чтений, для чтения кадетам старших классов, состоит из рассказов о движении русских на северо-восток России – о Ермаке, Хабарове, Дежневе и других открывателях края. В заключительной главе с красноречивым названием «Беседа о прочитанном» автор с особой силой акцентирует мысль о победе русского человека над суровой сибирской природой.

Иные задачи решает очерк неизвестного автора «Как заселялась Сибирь», опубликованный в Томске в 1895 г. отдельным изданием, которое является перепечаткой из «Томского листка». Анонимный очеркист опирается на «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири» И.В. Щеглова, на труды Н.М. Ядринцева («Сибирь как колония»), П.Н. Бущинского («Заселение Сибири», «Мангазья и Мангазейский уезд»), на «Историческое обозрение Сибири» П.А. Словцова и др. Очерк начинается с утверждения, что «еще далеко не завершено было завоевание (Сибири. – И.А.), как величайший для Сибири вопрос о колонизации ее громадных пространств был поставлен на очередь» [1. С. 1].

¹ Особую группу составляют публикации регулярно поступающего в библиотеку Томского Императорского университета журнала «Странник» (1862–1869 гг.) с многочисленными статьями Н.А. Абрамова *о сибирских архиепископах, оказавшихся на сибирской земле по назначению*, они требуют специального рассмотрения.

Начало заселения Сибири автор очерка связывает с Указом царя Федора Иоанновича от 3 мая 1590 г., которым «повелено было» отправить из Сольвычегодска в Сибирь 30 хлебопашенных семей. При этом как об очень важном моменте сообщается о сборе денег и имущества для переселенцев, что возлагалось в виде повинности на местное население. Кроме того, правительством, говорится в очерке, был поставлен вопрос о средствах сообщения на заселяемых землях: уже при Борисе Годунове в Сибири устраивались ямские слободы, куда переселяли ямщиков с семьями. На землю «сажали» даже беглых крестьян, поскольку в переселенчестве государство видело главное средство закрепления за Россией сибирского края. Главной заботой государства при этом было расширение пашенных земель в Сибири, которая должна была не только себя прокормить, но и доставлять доход в центр страны.

Воцарение на престоле династии Романовых, по утверждению автора очерка, усилило стремление заселить Сибирь. В частности, большое значение в очерке придается узаконению льгот в податях и пособия хлебом и деньгами переселяющимся в Сибирь, которое произошло в 1613 г. при царе Михаиле Федоровиче. Важным фактом называется и начало строительства крепостей для защиты переселенцев.

Автор очерка подчеркивает, что с течением времени государство все более серьезно подходило к проблеме переселения в Сибирь. Так, по Указу 1762 г. разрешение на переселение получили отставные военные, причем к переселению предназначались люди здоровые, сильные, не старше 45 лет, переселенцам отводилось по 30 десятин земли на душу, от казны строились дома, запасался хлеб на полтора года, скот, инвентарь, семена. Переселенцы на 10 лет освобождались от податей. Однако, читаем в очерке, теория и планы расходились с практикой: «невежественные исполнители» превращали благое дело в «бесцельное и мучительное скитание по Сибири» огромного количества «голодных, оборванных и нередко убогих людей» [1. С. 9]. Передвижение переселенцев было плохо организовано, помещичьих крестьян нередко отправляли на новые места жительства полунагими, отсюда болезни и высокая смертность среди переселенцев. В очерке приводятся вопиющие факты: например, Указом Сената от 19 марта 1800 г. иркутскому губернатору предписывалось приготовить для переселенцев, по крайней мере, третью часть необходимых домов, но ни домов, ни даже продовольствия подготовлено не было.

Следующий этап переселения в Сибирь в очерке связывается с Указом от 17 октября 1799 г., которым повелевалось начать заселение юго-восточной Сибири с предоставлением различных льгот переселенцам, и с Указом от 29 июня 1806 г., которым было утверждено новое положение о переселенцах в Сибирь. Эти документы расцениваются в очерке как план колонизации Сибири: в частности, теперь предусматривалось заселение Сибири негодными в рекруты, евреями, киргизами, а также добровольными переселенцами и ссыльными. Ссылка в Сибирь с этого времени значительно увеличивала свое колонизационное значение. В очерке приведены красноречивые цифры: с 1807 по 1823 г. ежегодно ссылалось не более 2 035 чел., с 1823 по 1877 г. общее число сосланных составило уже 393 914 чел. Заметное увеличение

потока ссыльных приходится на 1853 г., когда в год ссылалось до 19 000 чел. Среди ссыльных переселенцев оказывались не только уголовники, но и пленные, раскольники, политические преступники. Этим «новоселам», разумеется, со стороны государства никакой помощи не оказывалось.

Особое место в истории переселенчества в Сибирь в очерке отведено М.М. Сперанскому, его предложениям раздавать сибирские земли в награду и как поощрение за службу вполне благонадежному населению Центральной России (такой указ был принят в 1835 г. и отменен в 1843 г. как не принесший результата), переселять в Сибирь разорившихся дворян (но ни один обедневший дворянин не пришел за даровой землей, и приготовленные для них в Сибири участки раскупили местные купцы и богатые крестьяне). Сперанскому же принадлежит идея разрешать переселенцам переезжать внутри Сибири из одной губернии в другую, посылать ходоков.

С отменой крепостного права, отмечает автор очерка, следующий этап переселенчества в Сибирь оказался как бы вне закона: закон 1842 г. о благоустройстве в казенных селениях переселенцев был отменен, количество переселенцев после 1861 г. только увеличивалось за счет получивших свободу помещичьих крестьян. По словам автора, это было «безостановочное переселение», позволившее в конце концов очень быстро заселить и восточную, и даже северо-восточную Сибирь.

Предметом большого отдельного корпуса сочинений самых разных жанров, хранящихся в НБ ТГУ, являются *проблемы сибирской ссылки как особого рода «переселения»*. Это, например, известное сочинение этнографа-беллетриста, почетного академика Петербургской академии наук С.В. Максимова «Ссыльные и тюрьмы. Т. 1. Несчастные (СПб.: В тип. Морского министерства, 1862). Оно было создано после «обозрения» писателем, по поручению Морского ведомства, сибирских тюрем и быта ссыльных, но это исследование к опубликованию не было разрешено и было издано Морским ведомством «секретно». В НБ ТГУ хранятся статьи археолога и этнографа, выпускника Московского университета, с 1834 г. состоявшего на службе в Сибири, правителя дел сибирского отдела Русского географического общества, редактора его «Ученых записок» И.С. Сельского – «Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц (1645–1762)» (Русское слово. 1861. № 8. Отд. 1. С. 1–35), писателя и педагога, родившегося в Петербурге, бывавшего на пятницах Петрашевского и за это сосланного на каторгу, Ф.Г. Толля «Из записок моего сосланного приятеля. 1850 год». Это воспоминание о своем невольном путешествии в Сибирь он напечатал спустя несколько лет после своего возвращения в Петербург, в 1863 г., в «Современнике» (№ 4. С. 355–372). Обращают на себя внимание «Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. По тюрьмам и этапам» И.П. Белоконского (Изд. Н.А. Семеновы. Орел: Тип. газеты «Орловский вестник», 1887), писателя, который больше года провел в одиночном заключении и затем был сослан в Восточную Сибирь (1879), где стал постоянным сотрудником «Восточного обозрения», «Сибири», «Сибирской газеты», посылал статьи и в центральные издания («Отечественные записки», «Дело»). Назовем также статью известного криминалиста Д.А. Дриля «Ссылка и каторга в России (Из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь)»,

опубликованную в «Журнале Министерства юстиции» в 1898 г. (Апрель. С. 125–168). В должности чиновника особых поручений V класса Министерства юстиции Д.А. Дриль совершил поездку на Сахалин и в Сибирь с целью ознакомления на местах с организацией ссылки и каторжных тюрем. Результатом этого «ознакомления» стала названная статья, которая позднее в составе других вошла в книгу Д.А. Дриля «Ссылка во Франции и России» (1899), где автор указал на внутренние проблемы, скрывавшиеся под внешним благоустройством французской ссылки в Новую Каледонию и Гвиану, и показал, что представляют в хозяйственном, колонизационном, исправительном и нравственном отношениях Сахалин как место ссылки и сибирские каторжные тюрьмы.

Список можно продолжить трудами известного сибирского публициста и общественного деятеля Н.М. Ядринцева (Колонизационное значение русской ссылки: (Исторический очерк) // Дело. 1870. № 12. С. 1–34; Он же. Исправительное значение русской ссылки: (Исторический очерк) // Дело. 1871. № 1. С. 193–213; Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений // Дело. 1870. № 10. С. 207–240; Положение ссыльных в Сибири // Вестник Европы. 1875. Т. 6, № 11. С. 283–312. № 12. С. 529–556), статьями С. Чудновского (Колонизационное значение сибирской ссылки // Русская мысль. 1886. № 10. С. 40–66), А. Иванова (Один из декабристов. Гавриил Степанович Батенков (Из воспоминаний старого сибиряка) // Книжки недели. 1898. Ноябрь. С. 5–12) и многих других. Завершая описание массива сочинений о сибирской ссылке, хранящихся в НБ ТГУ, одно издание представим более подробно. Это публичные лекции, прочитанные историком и юристом, профессором Томского университета по кафедре истории русского права, а с 1913 г. профессором Варшавского университета по такой же кафедре И.А. Малиновским в Томске в ноябре 1899 г. Они были опубликованы под названием «Ссылка в Сибирь» по определению Совета Императорского Томского университета в Томске в 1900 г.

Автор начинает отсчет сибирской ссылки от второй половины XVI в. и утверждает, что она возникла как средство избавить центральную Россию от «лихих людей», с одной стороны, и заселить окраины страны – с другой. Далее профессор дает классификацию ссыльных, поясняя, что это не всегда были преступники, и то, чем отличались, например, сосланные «на службу» (казаки, стрельцы) от сосланных «в посад». Первые наравне с другими служащими получали в Сибири жалованье («хлебное» и денежное), вторые приписывались к городским жителям, и их положение ничем не отличалось от положения коренных сибиряков-горожан. Сосланные «на пашню» должны были пополнить (а точнее – составить) сельское население Сибири, они получали от казны земельные участки, ссуды на первоначальное обзаведение. При этом они обязаны были пахать «на государя» «десятинную пашню», т.е. часть жатвы отдавать в казну. В XVIII в. появляется такой вид наказания, как каторжные работы, к которым приговаривали, конечно, только совершивших преступление. В это же время в целях колонизации Сибири туда стали ссылать отставных солдат, крепостных крестьян и пленных.

Все способы колонизации, по мнению И.А. Малиновского, не давали желаемых результатов в связи с «беспорядками в области управления ссылкой»

[2. С. 11]. Профессор говорит об отсутствии центрального учреждения, которое бы решало все вопросы ссылки, о злоупотреблениях сибирских местных властей, борьба с которыми выпала на долю М. Сперанского. В первой лекции довольно подробно рассматриваются и высоко оцениваются документы, разработанные Сперанским и утвержденные в законодательном порядке («Устав о ссыльных», «Устав об этапах в Сибирских губерниях»). Именно Сперанский, подчеркивает лектор, настаивал на том, что ссылке должны подлежать только преступники и что она может быть назначена только по судебному приговору. По предложению Сперанского ссыльно-каторжные по истечении срока наказания должны были сливаться с сосланными на поселение. Другими словами, делает вывод профессор, реформа Сперанского также была направлена на заселение Сибири и овладение ею с помощью бесплатного труда преступников.

Характеризуя современные виды ссылки, в которых продолжали использоваться идеи Сперанского, Малиновский называет следующие: каторга (в основном на о. Сахалин и в Восточную Сибирь), ссылка на поселение (тоже главным образом в Восточную Сибирь), ссылка на житье в Сибирь (в Западную – Тобольскую и Томскую губернии и в Восточную – Иркутскую и Енисейскую губернии), ссылка на водворение (ей подлежали бродяги) и ссылка административная (в основном в Тобольскую и Томскую губернии). В целом же «великое передвижение преступников» в Сибирь [2. С. 21] профессор сравнивает с древним переселением кочевников из Азии – по последствиям этих явлений: «...не полчища диких кочевников – толпы преступников переселяются из европейской России в Россию азиатскую – в Сибирь. Что ждет в Сибири эту громадную армию невольных переселенцев? И чего Сибирь может ожидать от нее?» [2. С. 21].

Отвечая на эти вопросы, лектор углубляется в область нравственно-этических проблем, связанных с преступлением и наказанием. На первый взгляд может показаться, что Малиновский отстаивает мысль о благотворном влиянии ссылки на преступников, которые страданием смывают с себя в Сибири зло. К тому же воспитательный эффект ссылки как будто бы удачно сочетается с экономической пользой, которую приносит ссылка Сибири и России. Не менее важна и безопасность метрополии, которая «идет рука об руку» с заселением российских окраин ссыльными. Однако, заявив подобные идеи как тезис, профессор разбивает их убедительными контраргументами. Он констатирует, что трудовая оседлая жизнь не прививалась среди ссыльных, которые всегда стремились к побегу (исключение, по утверждению лектора, составляли только ссыльные староверы²), и в доказательство приводит множество конкретных цифр, фактов, примеров из реальной жизни и, что весьма примечательно, из литературы. В частности, он не раз обращается к творчеству Короленко (героев его рассказа «Марусина заимка» он называет «исключительными типами в общей массе ссыльных» [2. С. 32]),

² Сочинения о раскольниках, которые начали переселяться в Сибирь еще со времен раскола русской церкви, также составляют значительный корпус в собрании университетской библиотеки, который требует специального рассмотрения.

Л.Н. Толстого (профессор, в частности, опирается на классификацию преступников, которую проводит автор романа «Воскресение»), С.В. Максимова (Малиновский активно цитирует его «Сибирь и каторгу»), Ф.М. Достоевского (в первую очередь «Записки из Мертвого дома»), А.П. Чехова («Остров Сахалин») и др. (заметим попутно, что известен целый ряд статей Малиновского, написанных о социально-исторических и правовых проблемах на материале русской литературы: «Вопросы права в сочинениях Чехова», «Университет в сочинениях Чехова», «Русская общественная жизнь в сочинениях Гоголя», «Крепостное право в русской художественной литературе», «Русские писатели – художники о смертной казни»).

Нравственно-этические аспекты проблемы ссылки волнуют лектора и во втором его выступлении, где он много рассуждает о праздности ссылных, разврате, брани, принятых в их среде. Всё это он называет «нравственными испытаниями» и для самих ссылных, и для конвойной стражи и тюремной администрации. Но самое страшное, считает Малиновский, это тот «нравственный яд», который разливает ссылка, особенно ссылно-каторжные женщины, на сибирскую молодежь, среди которой укореняется циничное отношение к семье, детям, к старшему поколению, «привлекательными делаются такие профессии, как воровство, мошенничество» [2. С. 73]. Да и труд ссылно-каторжных профессор признает малопродуктивным, поскольку он носит принудительный характер.

Наконец, лектор поднимает такую актуальную для Сибири проблему, как бродяжничество, здесь он опирается на книгу Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» и утверждает, что «порожденное и поддерживаемое ссылкой бродяжество есть зло в сибирской жизни, и вся ссылка целиком во всех ее проявлениях – есть зло в сибирской жизни» [2. С. 68]. К такому выводу приходит Малиновский в конце второй лекции, развертывая мысль о том, что ссылка «дорого стоит» и России, и особенно Сибири, на плечи которой, кроме всего прочего, ложится перевозка арестантов (так называемая подводная повинность), содержание тюрем, призрение больных ссылных и т.д.

Опираясь на голос сибирского общественного мнения, который постоянно звучит в сибирской периодике и в постановлениях сибирских общественных управлений, профессор подводит четкие итоги своего аналитического выступления: «Теория рисует в нашем воображении привлекательную картину ссылки, карающей преступника, обеспечивающей общественную безопасность, приносящей экономическую пользу государству, способствующей заселению малонаселенных окраин государства, исправлению преступника <...> Эта картина оказывается игрой воображения, миражом, который рассеивается перед реальными явлениями жизни» [2. С. 76]. Лектор задает типичный русский вопрос «Что делать с нашей ссылкой?». В отличие от многих подобных вопрошаний, здесь дан вполне конкретный ответ на вечный для России вопрос: «Отмена ссылки в Сибирь», которой ссылные как колонисты не нужны. «Сибирь нуждается, – завершает свое выступление И.А. Малиновский, – не в тюрьмах пересыльных и каторжных <...> она нуждается в школах общеобразовательных и профессиональных, высших, средних и низших <...> ей нужны люди труда и знания» [2. С. 85].

Переходя к материалам, касающимся собственно переселенческого движения в Сибирь в XIX в., с особым вниманием следует отнестись к их жанрово-повествовательным особенностям, которые отличаются в этой тематической группе чрезвычайным разнообразием. В первую очередь следует указать на наличие большого массива *статистических материалов и документов*, практически не встречающихся в рассмотренных выше проблемно-тематических корпусах текстов. Это разные *ведомости* (Ведомости о движении переселения по Томской губернии за 1884–1893 гг. Отпечатано в Томской губ. типографии; Ведомость о переселенческих участках не сплошь заселенных и свободных, образованных включительно до 1893 г. Западно-Сибирским Переселенческим Отрядом и Томскою Временною Партией по Томскому и Мариинскому округам Томской губ. С приложением описаний отдельных переселенческих участков и карт. Сост. по поручению томского губернатора томским правительственным агрономом В.Г. Бажаевым. Томск: Губ. типография, 1895), *отчеты о командировках* по переселенческим участкам (Описание переселенческих записных участков, образованных 1-й Восточно-Сибирской межевой партией. Красноярский округ. 1893–94 год. Красноярск: Типо-лит. П.С. Смирнова, 1895; Г.О. Оссовский. Гео-гидрологическое исследование Барабы: Отчет о командировке по исследованию водоснабжения переселенческих участков в Барабе, состоявшейся летом 1894 г., по поручению г. томского губернатора. С отчетною картой и 1-й таблицей чертежей. Изд-е Томского губ. стат. комитета. Томск: Типо-лит. П.И. Макушина, 1895; Он же. Гео-гидрологические исследования Томского и Мариинского округов. Отчет о командировке по исследованию водоснабжения маловодных переселенческих участков в Томском и Мариинском округах, состоявшейся летом 1895 г., по поручению г. томского губернатора. С приложением отчетной карты. Изд-е Томского губ. стат. комитета. Томск: Губ. тип., 1896 и др.), *статистические и справочные сборники* (Сибирское переселение в 1899 году: (Что нужно знать каждому ходуку). Вып. 2. СПб.: Тип. МВД, 1901; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. Томская губерния. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский. Материалы по исследованию переселенческих поселков, собр. и разработанные под руководством и ред. В. Я. Нагнибеда. Вып. 1. Томск: Тип. В.М. Перельман, 1913 и др.), *законы и их разъяснения* (Дозволение причисленным в Сибири евреям отлучаться и переселяться во внутренние губернии // ЖМВД. 1859. Ч. 36, № 5, отд. 1. С. 77–78; Новый закон о переселениях. Казенные аренды в Сибири // Русская мысль. 1889. № 10. С. 216–222; Временные правила о замене ссылки на поселение и на житье другими наказаниями // Тюремный вестник. 1900. № 6–7. С. 299–303; Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1900; Сибирь. Вып. 1. Общие замечания о Сибири и переселении. Узаконения и распоряжения правительства. Пути следования в Сибирь и по Сибири. Карта Сибири. СПб.: Тип. МВД); Устав Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб.: Тип. МВД, 1890); Сборник узаконений и распоряжений правительства по переселенческому делу. Тобольск, 1898 и др.).

Эти материалы наполнены конкретными цифрами, таблицами, выводами и рекомендациями. Так, например, «Ведомость о заселенных и свободных переселенческих участках, а равно запасных, образованных до 1895 года Западно-Сибирским переселенческим отрядом и Тобольскою Временною партией в Тобольской губернии», составленная «по поручению г-на тобольского губернатора поземельно-устроительными чинами Тобольской временной партии» 1 июля 1895 года и изданная «с приложением отдельных описаний означенных участков» в Санкт-Петербургской типографии МВД в 1895 г., представляет собой свод таблиц, в которых для каждого округа, волости и участка указано расстояние в верстах от окружного города, села с волостным правлением, от ближайшей церкви, школы, лечебницы и железнодорожной станции. Кроме того, описаны «удобные» и «неудобные» земли (усадебные, пашенные, степные, сенокосные, лесные), обозначены площади земель, число душ, на которое рассчитан участок, откуда можно доставить лес для строительства. Каждый участок описан с точки зрения того, что на нем можно сеять, какие именно леса произрастают, каков способ водоснабжения, какова степень пригодности участка для выходцев той или иной местности.

Приведем для наглядности описание Русаковского участка № 147 в Ново-Карасукской волости: «Расположен в юго-западной части волостной дачи. Поверхность участка представляет собою низменное плато, перерезанная в направлении с юго-запада на северо-восток рядом «грив», почва коих суглинистый чернозем, мощностью около 5–6 вершков. <...> Исключительно удобными для хлебопашества являются «гривы» и пологие их склоны. Урожайность хлебов отличная; особенно успешно произрастает пшеница. Характер местности по преимуществу степной: низменные болотистые пространства, покрытые чахлой растительностью, сменяются гривами и резе сухими площадками. Количество удобных земель <...> на подлежащую двороению душу распределилось так: усадебной – 0,1 дес.; распаханной – 4,6; степи и выгона – 5,1; покоса чистого – 3,5; леса и кустарника – 1,8 дес.» [3. С. 179].

«Ведомость землеустроенных по закону 31-го мая 1899 года селений Кузнецкого уезда Томской губернии» (Барнаул, Типо-лит. Упр. Алтайского окр., 1915) содержит проекты земельных наделов для переселенцев – с 1909 по 1913 г. Здесь для каждой волости и селения указано число «наличных», «допринимаемых» и «всего наделяемых» душ, количество удобной и неудобной земли, соотношения земли и леса, выдаваемых населению, церквам и причтам, а также школам, указывается и дата утверждения межевых документов. Так, для 19 селений Верхне-Томской волости в 1910 г. планировалось наделить 5271 человека землю (85 000 дес., из которых удобных 76 000) и 10 500 десятин леса (церквам и причтам соответственно 755,93 десятины удобной и 46,76 неудобной земли плюс 110,33 десятины леса, для школ – 313,33 десятины земли – удобной 296,87). Документы были утверждены только в ноябре-декабре 1914 г.

Интересны труды известного геолога Г.О. Оссовского, исследовавшего западную Пруссию, пещеры близ Кракова, а в России – Вольнскую губернию и Сибирь. Это отчеты о проведенных им в 1894–1895 гг. поездках, целью которых было исследование водоснабжения переселенческих участков,

расположенных вдоль Сибирской железной дороги. В предисловиях автор констатирует, что до него никто не проводил подобных экспедиций, так что обследованные им земли, уже заселенные переселенцами, он называет «неведомой» в отношении гидрологии страной. Впервые известный геолог приводит в своем отчете предварительные географические сведения о Барабинской степи и Томском и Мариинском округах, описывая рельеф почвы, ее гидрологический характер, разделяя местность на озерные, речно-озерные и урманные области. В своих выводах ученый указывает, что даже в старожильческих поселениях «находка пресной питьевой воды принадлежит к редким случайностям» [4. С. 66], поскольку колодцы, построенные еще в период основания сел, давно пришли в негодность, и жители летом берут воду в болотах, зимой тают снег и лед. Что же касается новых участков, выделенных для переселенцев, то в них на каждом имеется максимум 1–2 места, где есть доступ к воде. Многие участки заболочены, зимой заносятся снегами. Называется причина такого положения: хищническое истребление лесов самим населением, которое превращает свои участки в «искусственную степь» [4. С. 138]. Население не знает и не умеет пользоваться своеобразными гидрологическими условиями доставшихся ему земель и невежеством только ухудшает условия своего водоснабжения и проживания.

Привлекают внимание и сборники статистических сведений. Например, мы обратились к «Материалам по обследованию типичных переселенческих участков, собранным и разработанным под руководством и редакцией В.К. Кузнецова» (Вып. 1. 2-е изд. СПб., 1913). Сборник тоже открывается Предисловием, в котором объясняется, что данный выпуск включает в себе первые результаты предпринятого летом 1911 г. Главным управлением землеустройства и земледелия обследования хозяйственного положения переселенцев в Сибири (в Акмолинской обл., Тобольской и Енисейской губ.). Целью его называется сплошная подворная перепись приписного и неприписного населения и осмысление современного экономического положения переселенцев, степени их благосостояния, по сравнению с бывшим их положением на родине. Читателю сообщается, что изучались участки на юге и севере, западе и востоке Сибири, расположенные в местностях с различными почвами, что во внимание бралась их близость/отдаленность от железной дороги, промышленных и культурных центров, что в ходе переписи обследовались также постройки, орудия труда переселенцев, формы их землепользования, посевные площади, наличие ссуд на «домообзаведение».

Главным выводом работы комиссии стал следующий: «Переселенцы во всех полосах Сибири в общем прочно оседают на отведенных наделах. Случаи ухода водворенных с участков <...> незначительны и вызываются, по объяснению самих переселенцев, посторонними причинами, не указывающими на непригодность наделов для успешного ведения хозяйства» [5. С. X]. Экономическое положение переселенцев, судя по данным материалам, значительно улучшилось по сравнению с положением их на родине. Размеры землевладения увеличились почти в 9 раз, средний уровень благосостояния переселенцев повысился, своими доходами они уже давно перекрыли путевые издержки на переселение, хозяйства переселенцев постоянно развиваются, количество скота, построек и инвентаря увеличивается и т.д. «Некоторую

теневую стороною» скромно называется «неупорядоченность пока земле-владения и пользования отведенными в надел угодьями» [5. С. XII]. При этом в общих выводах, которыми открывается сборник, не упоминаются приводимые ниже в таблицах сведения о денежных повинностях переселенцев, доходящих до 63% доходов, о большом количестве должников, не имеющих возможности погашать взятые ссуды, об огромных недоимках с переселенцев по податям и сборам.

На вполне благостном фоне рассмотренного статистического сборника, изданного в Санкт-Петербурге, интересны публикации о переселенческом деле в столичных журналах. Вот, например, только одна заметка, напечатанная в 1889 г. разделе «Внутреннее обозрение» издаваемого в Москве журнала «Русская мысль» (№ 10), который регулярно доставлялся в библиотеку Томского университета. Она озаглавлена «Новый закон о переселениях» и посвящена разъяснению опубликованного 26 сентября 1889 г. Закона о переселениях на казенные земли (от 13 июля того же года). Автор начинает ее с объяснения причин переселенчества в России вообще. В первую очередь называются экономические причины, а именно «первобытность приемов обработки, требующая большого пространства земли» [6. С. 216]. Здесь же упоминаются непосильные для крестьян Центральной России поборы, тягость крепостного права, малоземелье.

Важнейшим толчком для переселения людей в новую местность, главным образом в сибирскую, является, по мнению автора, «психологический момент», который заключается в том, что «в умы крестьянства пробивается отчаяние «справиться» когда-нибудь с окружающими условиями, одерживает верх сознание, что «тут сколько ни бейся, всё будет только хуже». В этот психологический момент мысль о просторе на дальних землях представляется воображению крестьян с оттенком страстного увлечения. По большей части они и не знают не только, каковы те обетованные земли по своим условиям, но даже и как далеко они лежат. Создается лишь вообще, что они – далеко, а слух идет, что земли эти богатые» [6. С. 216]. Семьями отправляются в Сибирь на свой страх и риск, «ничего не зная, всем рискуя, но с неодолимою силой упования на свои силы и Божью помощь» [6. С. 216]. Автор сравнивает переселенцев и их страдания на пути к новому месту и на новых местах с перелетными птицами и их тяготами.

Любопытно и глубоко рассуждение автора вообще о склонности русского человека к переселению, а также о его способности к колонизаторству, умении не только приспособиться к новым условиям жизни, но и подчинить их себе. Отмечая, сколько перемен пережили песни, дуги, топоры, сохи, узоры, кувшины переселенцев, он пишет и об обратной стороне этого процесса, «когда лет через десяток оказывается, что густая <...> инородческая среда <...> начинает таять. И тает она так успешно <...>, что через известный период времени ее уже нет; она слилась с переселенцами, переработалась великорусскою бытовою силою» [6. С. 217–218]. Другими словами, автор ставит сложный вопрос о переселенчестве в аспекте культуры, диалога центральной и периферических культур и утверждает, что «в совокупности своеобразных взглядов, обычаев и привычек» переселенец «несет с собой

нечто гораздо большее, чем <...> скарб <...> Он несет с собою культуру, а в ней, должно быть, скрыта сила немалая» [б. С. 218].

Приступая собственно к комментарию закона, автор заметки говорит о своей убежденности в том, что «регулировать переселенческое движение» все равно что «регулировать реки» (т.е. это можно делать углублением русла и укреплением берегов). В этом отношении и оценивается закон от 13 июля 1889 г., который, как и «всё наше законодательство», «рядом с предоставлением переселенцам легальных некоторых льгот» опасается массовых переселений и потому имеет характер «временных правил», «предварительных разрешений» и «временных распоряжений». И далее анализируется следующая типичная ситуация: закон требует, чтобы переселенцы отправлялись на казенные земли с разрешения министра, но крестьяне чаще всего не знают, на какие земли они едут (казенные, частные или ничьи). Так что установить твердое исполнение закона и даже его однозначное толкование невозможно, одновременно администратор получает возможность не предоставлять переселенцам земли, на которых они хотели бы остаться, по причине отсутствия у них министерского разрешения. Хотя при этом всем понятно, что переселенцев уже нельзя отправить назад, что их нужно, по крайней мере какое-то время, кормить за счет казны («иначе они в скором времени помрут с голоду» [б. С. 220]) и все же находить им земли.

Самую большую группу сочинений по переселенческому движению XIX в. (и вообще по переселенческой проблеме в целом) составляет *публицистика местных и столичных авторов*. Причем среди хранящихся в НБ ТГУ сочинений сибирских и московско-петербургских публицистов преобладающее место занимает очерк. Кроме указанных выше очерков по истории заселения Сибири, по вопросам сибирской ссылки и каторги, назовем еще опубликованные в сибирских типографиях «Очерки Нарымского края» миссионера среди остяков, переводчика Священного Писания на остяцкий язык Н.П. Григоровского, «Нарымский край» историка и этнографа Сибири, выпускника Московского университета, активно печатавшегося в местных и столичных изданиях (в «Москвитяине» и в «Томских губернских ведомостях», в «Вестнике ИРГО» и в «Енисейских губернских ведомостях») Н.А. Кострова, «Очерк переселенческого в Сибирь движения» экономиста А. Дудолодова, «Очерк попыток поселений в южной части Мариинско-Чулымской тайги» выпускника Московской земледельческой академии, неоднократно попадавшего под надзор полиции за связь с народовольцами, в 1887 г. высланного в Сибирь и оставшегося после ссылки служить лесничим в Туринске, затем в Томской губернии, в дальнейшем исполнявшего обязанности управляющего государственным имуществом Енисейской губернии А.Ф. Духовича.

Из напечатанных в столице укажем на «Очерки и рассказы из жизни северной столицы и страны изгнания» популярного в свое время писателя, журналиста Н.Э. Гейнце, очерки известного экономиста, выпускника Петербургского университета, с 1887 г. по поручению Министерства государственных имуществ исследовавшего хозяйственный быт крестьян в Тобольской и Томской губерниях, боровшегося с традиционным взглядом на Сибирь как на «золотое дно» с неисчерпаемыми богатствами А.А. Кауфмана –

это «Сибирское переселение на исходе XIX века». Назовем также «исторический очерк» «Рабство в Сибири» писателя С. Пашкова, родившегося и выросшего в Иркутске, а затем переселившегося в Петербург, чтобы слушать университетские лекции и сотрудничать в столичных изданиях, жизнь свою закончившего в Новгороде.

Наряду с очерком, избираемым сибирскими и столичными авторами как некий универсальный по содержанию жанр, следует назвать и такие жанры, в которых преимущественно работали местные публицисты, обращаясь к переселенческому движению XIX в. Это *доклады* (например, «К вопросу о заселении таежных окраин Томской губернии». Доклад В.Т. Волкова Томскому Отделу Имп. Моск. Общ-ва сельского хозяйства. Томск: Тип. Г.В. Прейсман и Н.Я. Беляева, 1896), *обзоры* (например, «Краткий санитарный обзор Томской переселенческой станции / Сост. врачом станции В. Пирусским. Томск: Губ. Тип., 1892), *проекты* («Проект купца Сидорова о заселении севера Сибири путем промышленности и торговли и развития внешней торговли Сибири». Тобольск. В тип. Губ. правления, 1864).

В столичной публицистике о переселенцах XIX в., преобладающей над местной количественно, представляющей более развитую жанрово-стилистическую систему, но близкой по тематике и пафосу к региональным изданиям, распространен, наряду с очерком, жанр *путевых заметок*, к которому сибирские авторы обращаются значительно реже. В отличие от очерка, на первый план в путевых заметках выдвигался субъективный момент повествования и осуществлялся своего рода тройной диалог: автора с новой для него реальностью, автора с читателем и с самим собой и создаваемым текстом. Картина сибирского мира, созданная на базе «сигналов» реальной действительности и личного авторского представления о ней, полученного во время путешествия по Сибири, часто подтверждаемого документально, запечатлена, например, в сочинении постоянного сотрудника «Недели», позднее публиковавшегося в «Русском богатстве», «Наблюдателе», «Вестнике Европы», «Деле», «Ниве», в 1890-х гг. служившего в оренбургской переселенческой конторе В.Л. Дедлова (настоящая фамилия Кигн) – «Переселенцы и новые места: *Путевые заметки*» (Изд. М.М. Ледерле. СПб., 1894). В этот ряд встают «*Поездка с переселенцами от Нижнего Новгорода до Томска*» анонимного автора И.Л. (Русь. 1883. № 4. С. 34–41), сочинение «Как относятся в Сибири к переселенцам? (*По личным наблюдениям*)» экономиста А. Исаева, читавшего лекции по политической экономии в Петербургском университете и выступившего в 1890 г. с инициативой учреждения «Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам», где он стал товарищем председателя (Русская мысль. 1890. № 12. С. 80–90), «исследование на месте» «*Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае*» П. Сущинского, проведенное «в пользу проектируемой Обществом для вспомоществования нуждающимся переселенцам школы им. Н.М. Ядринцева» (СПб.: Тип. А. Пороховщикова, 1898), «*Сибирь по большой дороге*» Н.В. Шелгунова (Русское слово. 1863. № 1, отд. 1. С. 1–48; № 2. Отд. 1. С. 1–39), «*В далекие края. Путевые наброски и картинки*» Л. Нельмина (Русская мысль. 1886. Кн. 1. С. 185–211), «*Письма переселенцев*. (За-

метки о текущей народной жизни)» Г. Успенского (Русская мысль. 1891. № 1. С. 202–220).

Столичная публицистика, посвященная вопросам переселения в Сибирь, активно обращалась и к такому жанру, как *проблемная статья*, которой часто давался весьма красноречивый жанровый подзаголовок «*Исследование*» или «*К вопросу о...*», характеризующий авторский подход к явлению сибирского переселения, его позицию (назовем, например, следующие издания: А.А. Кауфман. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии. Исследование. Т. 1–2. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1892 – на книге сделана дарственная надпись «От автора Гавриилу Константиновичу Тюменцеву»; Он же. Экономический быт государственных крестьян Ишимского округа Тобольской губернии. Исследование. Ч. 1–2. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1889; Он же. Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общественной жизни в Западной Сибири (К вопросу о сравнительной характеристике переселенца и коренного сибирского крестьянина) // Северный вестник. Б.г. Кн. 4. Отд. 2. С. 27–52 – с дарственной надписью «Гавриилу Константиновичу Тюменцеву в знак искреннего уважения от автора»; Н.О. Осипов. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. Исследование. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1898; Он же. К вопросу о поземельном устройстве крестьян Западной Сибири // Русское богатство. 1894. № 5. С. 52–79). Встречаются также *доклады* (например, Медведев Н.Н. Переселенцы в Сибири: Доклад Комитету Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1891) и близкие в жанровом отношении к путевым заметкам *письма* (назовем, например, «Письма об Америке и русских переселенцах» писателя Н. Славинского. СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1873) и *мемуары* (например, «Воспоминания о заселении Амура в 1857–1858 гг.» географа и путешественника, выпускника Петербургского университета и Военной академии, побывавшего на Амуре в 1857–8 гг. М.И. Венюкова // РС. 1879. Т. 24. С. 81–112; 267–304; Т. 26. С. 247–266 или публикация А. Омельченко «В Сибирь за землей и счастьем (Из воспоминаний заведующего Кривошековским медсанпунктом)» // Мир Божий. 1896. № 8. Август. Отд. 1. С. 1–24).

Говоря о специфике столичных публикаций о переселенческом движении в Сибирь, следует отметить, что чаще всего они появлялись в центральных периодических изданиях, знакомя русского читателя с самыми злободневными материалами и проблемами. Как правило, они печатались на страницах московского журнала «Русская мысль», журналов «Русское богатство», «Русская старина» и «Дело», выходивших в Петербурге. Довольно часто публикации о переселенцах помещались в «Вестнике Европы», издании, восходящем к истоку русской журналистики – к «Вестнику Европы» Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского.

Наконец, отметим и то, что в собрании НБ ТГУ представлена *художественная литература* о переселенцах. Это произведения и совершенно забытых сейчас авторов (например, «В погоню за золотом. Роман. (Из жизни наших далеких окраин)» А. Качки (Из «Журнала романов и повестей», изда-

ваемого редакцией «Недели». [Ч. 1–3]. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1884. [2], 336 с.), «Ермак, князь Сибирский, или Первые завоеватели Сибири: Исторический роман из времён Иоанна Грозного: В 3 ч. Ч. 1–3 (Сочинение В. Ягунова, Н. Григорьева) (Изд. книгопродавца А.И. Манухина. М.: Тип. А. Малукова и К°, 1882. 324 с.) и таких писателей, как В.Г. Короленко, К.М. Станюкович, Н.И. Наумов, С.В. Максимов и др. Обратим внимание на то, что почти все эти издания (начиная от повестей и рассказов и кончая романами) опубликованы в Москве и Санкт-Петербурге. Из столичных типографий в свет вышли и первые сборники произведений, посвященных рассматриваемой нами проблеме (в первую очередь назовем научно-литературный сборник «В путь-дорогу», изданный И.М. Сибиряковым в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам (СПб., 1883), куда вошли рассказ Н.С. Лескова «Продукт природы», очерк А.А. Кауфмана «К вопросу о культурной роли переселенцев в Сибири и их отношениях к сибирякам-старожилам» и др.). Исключение составляет сборник «Сибирские рассказы», изданный Н.С. Щукиным в Иркутске в Типографии Штаба войск в 1862 г. Это был первый в регионе литературный сборник, посвященный местной проблематике.

В большинстве своем названные издания находятся в составе личных книжных коллекций и архивов, хранящихся в НБ ТГУ. Особое внимание в этом отношении привлекает собрание книг известного сибирского краеведа Г.К. Тюменцева, в котором наряду с большим массивом документов и статистических материалов по переселенческому делу, с самыми известными публицистическими произведениями (это называвшиеся выше сочинения Н.Э. Гейнце, А. Духовича, А.А. Исаева, А.А. Кауфмана, Н.О. Осипова, Н. Славинского, Н.А. Кострова, Н.М. Ядринцева, И.П. Белокопского и др.; некоторые книги – с авторскими дарственными надписями), многочисленными жизнеописаниями сибирских архиепископов и митрополитов, блаженных мучеников и основателей сибирских монастырей, составленными Н.А. Абрамовым и протоиереем А.И. Сулоцким и опубликованными в духовном журнале «Странник», имеются «Очерки и рассказы» В. Короленко (М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерева и К°, 1887), сборники рассказов Н.И. Наумова «Сила солому ломит» (СПб.: Тип. К.Н. Плотникова, 1874), «В тихом омуте» (СПб.: Изд. книжного магазина В.А. Цвылева, 1881), «В забытом краю» (СПб.: Тип. С. Добродеева, 1882) и др.

Архив идеолога сибирского областничества, уроженца Сибири Г.Н. Потанина хранит не только его публикации о переселенцах, но и заметки о других авторах, писавших об этом, рецензии на их сочинения (например, «Роман и рассказ в Сибири: Ш. Н.И. Наумов. «Сила солому ломит» // Сибирь. 1876. № 51. 19 декабря. Под псевдонимом «Авесов»; «Рецензия на книгу: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882» // I Устои. 1882. № 6. С. 68–88 – за подписью «Л»; «Владимир Галактионович Короленко» // Иллюстрированное приложение к «Сибирской жизни». 1903. № 151. 13 июля. С. 1; «Об А.П. Щапове. В связи с выходом в свет собрания сочинений А.П. Щапова в 3-х томах, издание М.В. Пирожкова. СПб., 1906 // Иллюстрированное приложение к «Сибирской жизни». 1906. № 162. 30 июля. С. 2).

Из архива Г.Н. Потанина в разное время были выделены архивы Н.М. Ядринцева и Н.И. Наумова. Так, архив Н. М. Ядринцева, поступивший в НБ ТГУ в 1920 г. в составе потанинского архива, был выделен в самостоятельный фонд в 1998 г. Он содержит богатейшие материалы по теме переселенчества в Сибирь. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, требующем специального рассмотрения, укажем лишь на то, что архив содержит черновые автографы и писарские копии ряда статей самого Ядринцева, посвященных данной проблеме: фрагмент статьи о положении переселенцев (4 л.); «Вопрос переселений» (фрагмент в 4 л.), статья о переселенцах в Сибирь (фрагмент объемом в 15 л.); «Прибыль и дефицит населения при переселениях» (10 л.); «Заметка в газету о докладе Н. М. Ядринцева о переселении в Сибирь на географической выставке (2 л.); разрозненные листы статьи о межевании переселенческих участков (5 л.); наброски статьи по крестьянскому землепользованию в Сибири (3 л.); все рукописи датируются 1880–1893 гг.

В составе архива Г.Н. Потанина в НБ ТГУ был передан и архив Н.И. Наумова³, родоначальника целой серии художественных произведений о переселенцах. Он, как и архив Н.М. Ядринцева, также заслуживает особого внимания и в первую очередь благодаря наличию в нем черновых автографов и первых публикаций некоторых сочинений писателя о переселенцах. Это очерки «Картинка с натуры» (7 л.), 1883; «Гонимые» (= «Святотатец. (Истинное происшествие)»), 5 л.; «По новоселам» (наброски, 2 л.) и др. Из первых публикаций, для примера, назовем очерк «Роковая встреча», напечатанный впервые в «Восточном обозрении» (1883. № 15, 21) – он не переиздавался вплоть до 1939 г. и интересен не только сам по себе, но и своими перекличками с очерками Г.И. Успенского, написанными по следам его пребывания в Сибири в 1888 г.⁴ Кроме того, в архиве хранятся деловые письма Н.И. Наумову, связанные с проблемами переселенцев (например, письма производителя работ по устройству переселенческих участков в Западной Сибири А. Розанова от 10 янв. 1888 г.).

В заключение сделаем несколько замечаний, связанных с перспективой исследования описанных материалов. Во-первых, сам факт их существования должен быть осмыслен как важнейшая страница в богатой и сложной истории идентификации и самоидентификации Сибири в качестве особого не только в географическом, но и в культурном плане пространства. Во-вторых, предметом анализа должен стать диалог столичной и сибирской интеллигенции об исторических смыслах и культурных последствиях заселения Сибири, включая XIX в. Интересен для научной рефлексии образ московского (или петербургского) интеллигента, который устремляется вслед за переселенцами в Сибирь, повторяет их путь на новые места, имея при этом ряд определенных целей, среди которых установление культурной коммуникации между Сибирью и центром, влияние на ход и результат переселен-

³ В настоящее время архив описан сотрудником НБ ТГУ Н.В. Васенькиным.

⁴ См. также: [7].

ческого движения, стремление использовать потенциал переселенческой темы в соответствии с собственными и общелитературными творческими поисками. Не менее интересен и образ местного интеллигента, отличающегося от столичного специфической точкой зрения на проблему, своим объемом знаний о ней и, наконец, своими творческими установками.

Материал, обзор которого представлен в данной статье, свидетельствует о нарастающем взаимодействии культурных побуждений столицы и Сибири в подходе к вопросу о переселенцах и его отражению в литературе. Собственно, их взаимодействие во многом определяло полноту его осмысления и одновременно работало на формирование культурных традиций не только национальной окраины России (мысль, общепринятая в современном научном дискурсе о сибирской культуре и литературе в частности), но и ее центра. Сибирские материалы по переселенческому движению, хранящиеся в НБ ТГУ, демонстрируют очень широкий, часто не уступающий столице, диапазон подступов к проблеме, в том числе и способов ее воплощения в словесности: в публицистике и в собственно художественных произведениях разных жанров, стилей, повествовательных стратегий. О культурном вакууме периферии в данном случае говорить не приходится.

Деятельность столичных авторов, конечно, можно определить как более профессиональную, но местная словесность, особенно публицистика, оказалась не менее перспективной для рецепции темы переселенчества как сибирским, так и общерусским литературным (и шире – культурным) процессом. В связи с этим воплощение темы переселенцев в сибирской литературе не может быть осмыслено ни в русле распространенной сейчас в науке идеи о существовании сибирской словесности как «локальной», возвращенной как бы из самой себя, из местных проблем и способов их художественного выражения, ни тем более этот материал не поддается изучению как явление, инициированное столичной словесностью. Описанный нами материал, безусловно, выводит к необходимости комплексного изучения актуальной (кроме литературоведческого, в целом ряде аспектов) темы переселения в Сибири. В частности, интересующее нас осмысление данной темы в русской и сибирской литературе 1860–1890-х гг. должно быть изучено (наряду с использованием современных методов литературоведения) в рамках теории диалога как постоянного общения в культуре и фронта как постоянно передвигающейся в национальном культурном пространстве границы.

Говоря о возможных аспектах изучения рассмотренного материала, следует указать на необходимость осмысления самого представления о переселенчестве в центральной России и в Сибири, воплотившегося в художественные и документально-публицистические тексты русских классиков и сибирских авторов 1860–1900-х гг., и исследования форм диалога коммуникативных стратегий русской классической и сибирской литературы названного периода в сфере их восприятия данной темы. Плодотворным представляется и осмысление образа переселенца в художественных системах разных авторов (чего в данной статье мы не касались), в разных жанрово-стилевых парадигмах, позволяющее прояснить не только аспекты диалога сибирской и классической литературы в рецепции темы, но и характер перемещения границ между константами и вариациями образа переселенца и понятия пересе-

ленчества в целом. Наконец, специального рассмотрения заслуживает механизм взаимосвязи литературных процессов (сибирского и общерусского) с указанным общественным явлением.

Литература

1. *Как заселялась Сибирь*: Очерк. Томск, 1895.
2. *Малиновский И.А.* Ссылка в Сибирь: Публичные лекции, читанные в Томске в ноябре 1899 г. Томск, 1900.
3. *Ведомость* о заселенных и свободных переселенческих участках, а равно запасных, образованных до 1895 года Западно-Сибирским переселенческим отрядом и Тобольскою Временною партией в Тобольской губернии. СПб., 1895.
4. *Оссовский Г.О.* Гео-гидрологические исследования Барабы: Отчет о командировке по исследованию водоснабжения переселенческих участков в Барабе, состоявшейся летом 1894 г. Томск, 1895.
5. *Материалы* по обследованию типичных переселенческих участков, собранных и разработанных под руководством и редакцию В.К. Кузнецова. Вып. 1. 2-е изд. СПб., 1913.
6. *Новый закон* о переселениях // Русская мысль. 1889. № 10.
7. *Ремезов Н.В.* Очерки из жизни дикой Башкирии: Переселенческая эпопея. М., 1889.